

альную точку зрения, О. П. Козодавлев заявлял: «Перевод „Велисария“ останется в Российской истории бессмертным, и будет служить доказательством, что в век Екатерины Второя в России были правила Велисария в почтении и что она подданным своим истинну слушать не только не запрещала, но и старалась во всяком случае открывать оную пред ними, яко источник человеческого блаженства».¹⁵

Тем самым перед Радищевым открывалась прекрасная мишень для полемиического пародирования. Екатерина II неосторожно уподобила себя Тиверию II, клявшемуся в верности заветам Велизария, а затем забывшему свои обещания. В главе, которую перевела императрица, Велизарий закликает Тиверия II иметь «в омерзении неосновательные доносы, ободрять и защищать тех, кои открывают явно злоупотребления <...> сие то называю я любовью к истине <...> Государь, которой, сам себя позабыв, упражнялся бы только в благополучии народа, несравненно меньше подвергался бы опасностям, нежели тиран сумнительствами, подозрениями и хитростями наполненной. Но его устрашают, приводят в робость и заставляют его взирать на своих подданных, как на злодея, которого он опасаться должен. <...> Уверяют государя, чтоб он всегда был осторожен против многочисленных людей непокоривых, беспокойных и возмутительных, заставляют его верить, что ему должно иметь силы для супротивления им. И так вооружается он против своего народа».¹⁶ Тем самым Екатерина клялась заботиться о благополучии своих подданных, доверять им и не вооружаться против них, но клятвы своей не исполнила. Радищеву «Велизарий» мог пригодиться потому в особенности, что роман был переведен по инициативе «русского Тиверия» — Екатерины II.

Здесь мы подходим к одной из главных проблем нашего исследования: что значил Мармонтель для Радищева, какая между ними связь? Говорить о литературном влиянии на него французского писателя у нас нет оснований. Радищев активен и самобытен даже тогда, когда сознательно усваивает идейно-художественный опыт таких великанов, как Вольтер и Руссо. Сочинения Мармонтеля мерцали отраженным светом их идей, а Радищев был достаточно хорошо знаком с литературой французского Просвещения, чтобы в необходимых случаях обращаться прямо к первоисточникам.

Нет основания говорить и о типологической близости «Путе-

только обществом по ее велению был переведен, но и сама участницею перевода оного была» (Сочинения М. М. Щербатова, т. 2. СПб., 1898, стб. 243).

¹⁵ Козодавлев О. П. Историческое начертание о распространении просвещения в Европе от разрушения Римския империи до наших времен. — Растущий виноград, 1785, апрель, с. 100.

¹⁶ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина, т. V. СПб., 1903, с. 8—9, 11.